

Проблемы и перспективы развития антропологии

История изучения человека насчитывает более двух с половиной тысяч лет, и тем не менее стремление постичь человека во всех его многообразных проявлениях, создать «синтетическое человекознание» (Б.Г.Ананьев) так и не реализовалось до настоящего времени. У современных антропологов есть достаточно оснований утверждать, что древнее изречение «Познай самого себя...», высеченное на стенах Дельфийского храма, до сих пор остается благим пожеланием.

Былая уверенность мирового научного сообщества в том, что грядущий век станет веком расцвета науки о человеке, сменяется нарастающим скептицизмом и растерянностью, ибо неотвратимо накатывающаяся лавина глобальных экологических, экономических и социальных проблем ставит под вопрос не только существование человечества, но и тех, кто его изучает.

Открывшийся в Йоханнесбурге очередной конгресс по проблемам устойчивого развития проходит под девизом: «Хватит слов! Все слова были сказаны десять лет назад в Рио-де-Жанейро. Пора переходить к делу!». Девиз этот, по сути, является признанием того, что от осознания глобальных проблем человечества до их устранения лежит длительный путь преобразования самого человека. Дело не сдвинется с мертвой точки до тех пор, пока в человеческой психике рядом с безусловным базовым инстинктом самосохранения не займет место равноценный по значимости условный инстинкт (установка) сохранения вида и адекватных ему природных условий существования. Только импринтированные, т.е. переведенные из сферы сознания в бессознательное, знания и опыт человека станут безотказной установкой к действиям, направленным на сохранение человечества и биосферы.

Однако для того чтобы, наряду с инстинктами самосохранения и сохранения рода, в человеке укрепился инстинкт сохранения вида, необходимы многие века, а может и тысячелетия. Такое «наращивание» человеческой психики имманентно как фазам становления от-

дельного человека, так и ступеням восхождения человечества: биологической, социальной и духовной.

Для того чтобы успеть решить эту важнейшую задачу, необходима длительная работа по формированию и развитию совершенно иного общественного и индивидуального сознания, далекого от менталитета общества потребления, усиленно пропагандируемого и потому господствующего в современном мире. До тех пор, пока в этом направлении не будут предприняты конкретные практические меры, концепция устойчивого (коэволюционного) развития останется всего лишь декларацией лицемерной псевдогуманистической добродетели.

Классический вопрос «Быть или не быть?» сегодня приобретает сакральное и потому жутковатое эсхатологическое значение. Данный вопрос, переведенный в практическую плоскость, означает очевидную дилемму: либо человечество, стоящее на разломе эпох, примет новые нравственные ценности, изменив этим самым себя в соответствии с изначально заданной сущностью, либо оно самоуничтожится, а природа начнет искать новые формы материи, способной к самоосмыслению и коэволюционному преобразованию мира.

Вот почему современные антропологические изыскания, направленные на поиски человеческой сущности, утраченной человеком в бесконечной борьбе с природой и себе подобными, приобретают столь острую значимость. Их значимость определяется сегодняшней ситуацией в мире, для которого преодоление отчуждения человека от природы и своей собственной природной, социальной и духовной сущностей становится первоочередной задачей социальной и экономической политики, образования и воспитания человека.

Однако существует опасение, что современный процесс познания человеческой сущности в самом начале своего становления пойдет по традиционному пути «разбрасывания камней». Напротив, мы убеждены в том, что новая эпоха, в которую вступает человечество, как раз и есть то время, когда настала пора «собирать камни». Наши сомнения в том, что процесс познания человека снова пойдет путем рассеивания целостной картины человека и человечества по субъективным дискурсам, спонтанно осознающей себя материи, отнюдь не беспочвенны. Сошлемся лишь на некоторые высказывания наиболее известных авторитетов в области человекознания.

«Анализом многогранной и комплексной проблемы человека занимаются десятки научных дисциплин. Однако систематизация накопленных знаний представляется проблематичной даже в обозримом будущем, так же как и создание общей концепции человека» [1, с. 55].

«Претензии на сущностное определение человека, приводят к непримиримым противоречиям и противостоянию» [2, с. 345]. «В чем состоит сущность человека, как постичь его загадку, какова тайна человеческого существования – все эти бесчисленное количество раз заданные вопросы остаются без ответа, питают надежды честолюбивых юношей. Все это вызывает подозрение, что считающиеся центральными в философской антропологии вопросы о смысле жизни, о назначении и месте человека в мире выполняют какую-то иную функцию, нежели та, которая им приписывается» [2, с. 347].

«Одной из характерных черт современного научного мировоззрения является сомнение в возможности построения общей универсальной антропологической теории, с помощью которой можно было бы объяснить все многообразие человеческих проявлений» [3, с. 80].

Приведенные выше цитаты весьма наглядно отражают состояние не только современной отечественной, но и зарубежной антропологии, находящейся под влиянием постмодернистских методологических установок. Провозглашая в качестве научного приоритета дискурс, включающий наряду с предметом научного анализа также анализ, объяснение, понимание и безусловное принятие позиции и ситуации исследователя (другого), постмодернисты объективно способствуют не только решению проблем эпистемологии в современном гуманитарном знании. Их методологические установки одновременно являются и фактором, ускоряющим процесс «растаскивания» человека по частным точкам зрения и узкоспециальным областям человекознания. Акцентируя внимание преимущественно на проблемах эпистемологического характера, постмодернисты тем самым невольно способствуют сокрытию истинной причины узкой специализации и дифференциации современной антропологии.

Настоящая же причина этого явления восходит к антропологической традиции Запада, в которой изначально преобладает прагматический, узкоутилитарный подход к изучению человека. Социология и социальная психология здесь широко используются как инст-

рументы для разработки социальных технологий в целях манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. Психоанализ, прежде чем стать одной из теоретических школ в психологии, использовался З.Фрейдом как метод решения индивидуальных психологических проблем. Анатомия и физиология изучают человека преимущественно в медицинских целях и т.д.

Таким образом, причина отсутствия целостного подхода к изучению человека довольно проста. Ее следует искать в отсутствии практической потребности в таком виде знаний о человеке. Единственные, кто изначально пытался познать человека во всеединстве его разнообразных проявлений, это философы, чей познавательный интерес почти всегда носит преимущественно теоретический, умозрительный характер. Именно поэтому философская антропология, родившись в колыбели философии, до сих пор по праву остается ведущим направлением в области человекознания.

Наше утверждение об утилитарно прагматическом характере человекознания вполне справедливо и для сегодняшнего дня. Современный интерес к изучению человека, который многие авторы называют антропологическим бумом, также носит вынужденный характер. Он обусловлен осознанием опасности тех экологических ту-пиков, в которые зашло человечество к исходу второго тысячелетия.

Можно сказать, что в современном самопознании человек снова движим животным инстинктом самосохранения. Фактором развития современной антропологии является отнюдь не воспринятая в качестве озарения и осознанная человеком трансцендентная потребность Бытия в том, чтобы человек, наконец, осмыслил свою природную сущность и вернулся к ней. Именно трансцендентный подход, когда человек, возвысившись над собственным Я и встав на позицию Творца, задаст вопрос «Для чего человек? Каково его место в природе и мироздании?», станет поворотным моментом в развитии антропологии, ибо ответ на эти вопросы и означает ответ на вопрос о человеческой сущности.

Известно, что интерес к антропологическим исследованиям значительно обостряется в переломные моменты истории, когда возникает необходимость преодолеть очередной «человеческий кризис». Переходный характер современного периода отражается в наименованиях, которыми он обозначается различными авторами

(«моменты» – И.Тэн; «узлы» – А.Солженицын; «надломы» – А.Тойнби).

Бурные события на рубеже XX–XXI вв.: процессы расширения межкультурных взаимосвязей, объединение Европы, распад целого ряда многонациональных государств, международный терроризм, религиозный фанатизм, разнообразие форм проявления агрессии, аксиологический плюрализм и девальвация ценности человеческой жизни – являются признаками не только кризиса взаимоотношений между обществом и природой, человеком и обществом, но и кризиса внутри самого человека, отчуждения его от своей сущности.

В этой связи возросший интерес к антропологическому знанию вполне объясним, его следует рассматривать, с одной стороны, как поиск рецептов спасения самого человека, а с другой – как поиск выхода из социальных, экономических и экологических тупиков, в которые зашло человечество на рубеже второго и третьего тысячелетий. Независимо от того, идет речь о личностных или социальных проблемах, есть все основания утверждать, что современный «антропологический бум» носит прагматический характер. Более того, даже зарождением своим антропология обязана чисто утилитарным целям.

Общеизвестно, что в недавнем прошлом правительства колониальных держав способствовали антропологическим исследованиям. Именно антропологи давали рекомендации по разработке колониальной политики, основанной на концепции «косвенного» управления территориями с доминированием традиционных культур. Сегодня интерес ученых к изучению человека также нередко поддерживается политиками, которые стремятся направить его в утилитарно-прагматическое русло, например, в целях разработки технологий манипулирования массовым сознанием.

Сможет ли антропология, ориентированная на поиск утилитарных рецептов, решить задачи спасения человечества, изучения причин отчуждения человека от самого себя, от мира природы и мира людей, подняться до уровня осмысления сущности человека?

Вместо того чтобы стать интегрирующей основой знаний о человеке, антропология все более дифференцируется на множество изолированных друг от друга отраслей, как это произошло в свое время с психологией. Представители этих отраслей не понимают,

а часто и «не слышат» друг друга, несмотря на развитие новых информационных технологий, облегчающих научную коммуникацию. Поэтому сегодня антропология не в состоянии взять ориентир на новую научную парадигму, как это происходит в области естественных наук по мере освоения их представителями идей синергетики. Она не способна выработать и новых методологических принципов, которые были бы адекватны современному миропониманию и ускорили бы выработку метасистемного подхода к изучению человека.

Однако самым бесспорным и впечатляющим признаком кризиса современной антропологии является отсутствие в этой области знания единого мнения о предмете исследования. Человек как предмет познания расчленен на отдельные составные части, что приводит к его механистическому рассмотрению в рамках множества частных антропологий. Традиционными направлениями антропологических исследований являются физическая, социальная и философская антропология.

Физическая антропология определяет место человека в царстве животных, изучает его биологическую организацию, а также условия возникновения и эволюцию вида *Homo sapiens*. Большое влияние на становление физической антропологии во второй половине XIX в. оказали работы Ч.Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» и «Происхождение человека и половой отбор», которые стали ключевыми текстами данной эпохи.

В отечественной науке антропология изначально признавалась как физическая антропология. Советские ученые Я.Я.Рогинский и М.Г.Левин, определяя предмет исследования физической антропологии, отмечают, что антропология есть отрасль естествознания, которая изучает происхождение и эволюцию физической организации человека и его рас. Задачей антропологии является изучение процесса перехода от биологических закономерностей, которым подчинялось существование животного предка человека, к закономерностям социальным [4]. Российские ученые А.П.Садохин и Т.Г.Грушевицкая также считают, что антропология была и остается наукой о биологической (физической) природе человека [3].

Однако такой подход находится в противоречии с западной традицией, поскольку за последние три десятилетия XX в. было проведено немало исследований, подтверждающих факт наличия в

физической структуре человеческого организма таких элементов, которые являются факторами для социального и духовного становления человека. Можно ли физическую антропологию рассматривать только как естественнонаучное изучение человека? Исчерпывающий ответ на этот вопрос содержится в классическом труде К.Леви-Строса «Структурная антропология», в котором он отмечал, что физическая антропология поддерживает тесную связь с социальными науками, а именно она сводится к изучению биологических и психологических трансформаций, явившихся для определенного вида живых существ следствием возникновения социальной жизни, языка, системы ценностей и культуры [5].

Вторым наиболее развитым направлением антропологических исследований является социальная антропология. Истоки этой науки были связаны с Великими географическими открытиями и колониализмом. О том, как европейские путешественники, достигнув берегов Америки, обнаружили непохожих на них людей и как впоследствии европейцы и индейцы изучали друг друга, пишет К.Леви-Строс в книге «Печальные тропики». Он убедительно показывает процесс формирования этнических стереотипов по отношению друг к другу у представителей различных культур, обусловивший механизмы социальной апперцепции во всем их последующем общении и взаимодействии.

Позднее социальная антропология делает объектом своего внимания индустриальные и постиндустриальные общества Запада. Так, в 1911 г. Ф.Боас указывал на значимость антропологических исследований для понимания городских сообществ. В ходе формирования индустриальной цивилизации (начиная с XVI в., особенно в XVIII в.) на смену «сельскообщинному» человеку приходит «урбанизированный» человек, ориентированный на механические часы и социальный ритм жизни. Именно этого человека начинает изучать антропология.

Сегодня антропологи все больше обращают внимание на анализ современных, сложноорганизованных обществ, раскрывая закономерности и тенденции их повседневной жизнедеятельности, проявляющиеся в ближайшем окружении человека. С этой точки зрения коллектив современного промышленного предприятия или маргинальные социальные группы мало чем отличаются для антрополога

от племени австралийских аборигенов, живущих в естественных условиях.

Таким образом, особенность предмета социальной антропологии всегда состояла в обращении к «иному» в культуре и жизни людей, как чужой, так и собственной, а также в исследовании в этом «ином» общих проявлений человеческой природы. Сегодня современная социальная антропология пытается ответить на вопрос: как человек живет в обществе и как общество живет в человеке? В этой связи предметом исследования этой науки является социальная организация жизни человека и его жизненного мира в традиционных и современных обществах.

Третье направление антропологических исследований – философская антропология – представляет собой философское направление, вовлекающее в сферу исследования все слои духовной жизни человека, определяет место и отношение человека к окружающему миру и самому себе, смысл бытия человека и человечества. Основоположниками философской антропологии являются М.Шелер и Х.Плеснер. Она формируется в 1930-х гг. как своего рода форма ответа на разразившийся в индустриальном мире на рубеже XIX–XX вв. кризис гуманизма. Интерес к этому направлению возрастает после Второй мировой войны в Германии.

Именно философская антропология с ее усилиями определить место человека в мире природы, его роль и предназначение ближе всех подходит к определению сущности человека. От истоков развития древнегреческой философии (природная сущность) до С.Кьеркегора, В.С.Соловьева и Н.А.Бердяева (метафизическая сущность), до П.Тейяра де Шардена, К.Э.Циолковского, Н.Ф.Федорова и В.Н.Казначеева (космопланетарная сущность) философская антропология стремится к выявлению духовных, энерго-информационных связей человека с окружающим миром, обществом и собственной природой, к определению значения этих связей для дальнейшей судьбы мира и человечества.

Таким образом, можно заключить, что все три наиболее общих направления антропологии – физическая, социальная и философская – развивались асинхронно. Их становление шло в конкретных исторических условиях и определялось теоретическим фоном породившей их эпохи. И физическая, и социальная, и философская антропо-

логия формировались как самостоятельные и самодостаточные области знания, не прилагавшие особых усилий к интеграции.

Точную оценку ситуации, сложившейся в области человекознания в начале XX в., дал один из основателей философской антропологии М.Шелер в книге «Положение человека в космосе», отмечая, что у нас нет единой идеи человека, а специальные науки, занимающиеся человеком, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее [6].

Продолжающаяся сегодня дифференциация антропологии на множество направлений, таких как политическая, юридическая, медицинская и др., и стремительное дробление уже сложившихся направлений научных исследований делают проблематичным определение предметного поля антропологии.

Не проясняют предмета антропологии и усилия представителей постмодернизма, направленные на преодоление гносеологических и аксиологических тупиков современного человекознания. Мировоззрение основоположников и большинства последователей постмодернизма отражает основные проблемы и противоречия информационной цивилизации, в которую вступило человечество в последней четверти XX в. Основными признаками ее являются: многократное увеличение объемов информации; ускорение информационных потоков и погружение современного человека в информационное поле планеты, возможное благодаря стремительному развитию новых информационных технологий и глобальной информационной сети.

Столкновение с огромным количеством разнообразных точек зрения, с идейным и мировоззренческим плюрализмом лишает современного человека устойчивых жизненных основ и во все возрастающей степени ставит в ситуацию неопределенности. Поскольку ситуация неопределенности в психологическом плане труднопереносима, складывается парадоксальная ситуация, когда знание снова начинает искать опору в вере.

Пытаясь преодолеть информационный хаос и мистику, постмодернисты ищут новые пути определения и описания истины. Научные исследования, утверждают они, трансформируются вследствие ускорения динамики бытия в поток субъективных и почти независимых друг от друга точечных отражений непрерывного потока

информации. Данная тенденция усиливает, по их мнению, остроту проблемы взаимопонимания в науке и тем самым способствует переносу акцентов с гносеологии в эпистемологию. Именно это обстоятельство делает столь значимыми для постмодернистов такие понятия, как дискурс, интертекстуальность, стилиевой синкретизм, смешение жанров, неопределенность, пародийность, языковая игра и т.п. Основную цель «символической интеракции» постмодернисты усматривают не во взаимном стремлении к истине, а во взаимопонимании и терпимости, что совсем не одно и то же.

Познание истины – объективных законов развития окружающей человека природы и законов развития природы самого человека – способствует гармонизации отношений общества и природы, обретению человеком своей сущности. Взаимопонимание же способствует гармонизации отношений между людьми, развитию социальности как неотъемлемого свойства человека. Однако все дело в том, что ценность социальности не замыкается на ней как таковой. Ее основное предназначение состоит в совместном поиске истины и в истинном (коэволюционном) взаимодействии человека с природой. Таким образом, эпистемологические, гносеологические и праксиологические задачи социальной коммуникации не могут ни существовать, ни исследоваться в отрыве друг от друга.

Отнюдь небесспорными представляются нам и доводы сторонников постмодернизма в пользу аксиологического плюрализма. Аксиологический плюрализм на деле не только ведет к отрицанию общечеловеческих ценностей и разрушению идеалов, столь необходимых для сплочения человечества в целях решения самых животрепещущих личностных и глобальных проблем бытия, но и является прямым путем к отрицанию веры и научной истины, становится своего рода новым «апофеозом беспочвенности». Вместе с тем утверждения о том, что удел науки и веры «обнажать смысловые структуры бытия» (А.Кураев), улавливать «неслышный зов бытия» (М.Хайдеггер), беспорны.

С другой стороны, было бы ошибочным считать, что постмодернизм с его разрушительным пафосом является благоприятной почвой только для нигилизма, цинизма и агностицизма. Призывы идейных выразителей постмодернизма Ж.Дерриды, Ф.Готтари, Ж.Ф.Лиотара, Ж.Лакана и др. к гибкости научного мышления, толе-

рантности в отношениях к иным позициям и убеждениям вряд ли могут быть подвергнуты сомнению. Расшатывая научные устои модернизма, обнажая «белые пятна» и «трещины» в поле научного знания, вводя в научный оборот понятие дискурса, адекватного принципу дополнительности В.Гейзенберга и Н.Бора, и усиливая эпистемологические аспекты, постмодернизм несомненно способствует гуманизации научного знания и преодолению позитивистской научной парадигмы, следствием которой являются многие современные глобальные проблемы.

В соответствии с научными убеждениями авторов настоящей статьи, антропология только тогда начнет эффективно выполнять свои интегрирующую и методологическую функции в познании человека, когда ее предметом будет являться определение сущности человека и его целостное метасистемное изучение.

Нельзя сказать, что в процессе развития антропологии такие попытки не предпринимались. Так, К.Леви-Строс определил антропологию как многоуровневую науку, основу которой составляет изучение отдельных элементов человеческой сущности. Далее эти элементы проходят процедуру сравнения, выявляются взаимосвязи этих элементов и принципы взаимодействия. Это позволяет выявить наиболее общие принципы и закономерности, определяющие сущность человека, его место в природе, смысл его бытия. К.Леви-Строс вплотную подошел к пониманию того, что структура антропологии должна быть адекватна структуре самого человека. Принципиально важным для выявления предмета антропологии является то, что К.Леви-Строс определяет сущность человека как природный, т. е. заданный природой, смысл его бытия.

Вместе с тем анализ антропологической литературы показывает, что понимание сущности человека носит совершенно произвольный характер. Масштаб сущности человека простирается от «малых форм», когда в качестве сущности выступает характер человека, до глобального – сущность человека усматривается в преобразовании биосферы в ноосферу (В.И.Вернадский) и космического – сущность человека в экспансии разумной жизни в Космос (П.Тейяр де Шарден, В.Н.Казначеев).

Подобные разночтения в определении сущности человека можно объяснить недостаточной определенностью исходного понятия «сущность», раскрыть которое помогает словарь В.И.Даля, вос-

ходящий к духовным основам русского языка. В.И.Даль противопоставляет понятия существенного и вещественного как духовного и плотского. Если справедливо допущение, что дух одухотворяет (наделяет смыслом) и смиряет (в значении единения с миром) все сущее, превращая мир в целостную метасистему, то неизбежно встает вопрос о векторе, направлении развития жизни. Вопрос этот имеет эсхатологический характер лишь с точки зрения «конструктора» метасистемы (мироздания), будь то Бог, природа как творящее начало или Вселенский Разум как носитель информации о будущих материальных воплощениях мира и конечной устремленности его развития.

С позиции человека и человечества, т.е. матери, способной к самосознанию и творчеству, вопрос о векторе устремленности развития мира не является вопросом о неизбежном конце существования мира. Данное утверждение справедливо в связи с кратковременностью или почти вневременностью существования вида *Homo sapiens*, если даже за шкалу измерения принять сроки существования биосферы. В большей степени для человечества это вопрос практический, ибо без ответа на него социальное бытие человека, как и социальная политика, базирующаяся на идеях индетерминизма и спонтанности, утрачивает всякий смысл. Личная жизнь в этом случае ограничивается лишь биологическими целями самосохранения и продолжения рода.

Характерно, что многие представители трансперсональной психологии и онтопсихологии выделяют в структуре личности объективно заданную и существующую независимо от индивидуального Я сущность. Такой подход вполне соответствует не только общепринятой в психологии дифференциации психического на сферы сознательного и бессознательного, но и кантовским понятиям «феномен» и «ноумен».

Г.И.Гурджиев и его последователи для обозначения субъекта как трансперсональной (внеличностной) психической реальности использовали термин сущность (*essence*). Этот термин восходит к латинскому слову *essere* – «бытие».

Б.П.Вышеславцев называл «величайшей философской заслугой аналитической психологии» различение между сознательным Я и неосознанной самостью (Ин-се). Такое деление органично вписы-

валось в его концепцию иерархической структуры человека. Согласно этой концепции, человек состоит из ступеней мертвой материи, живой материи (тела), бессознательной души, сознательной души, духа и, наконец, из той таинственной вершины, которая составляет его сущность, его вечность, его богоподобие, из самости, из Атмана, из глубинного Я, из сокровенного сердца человека [7].

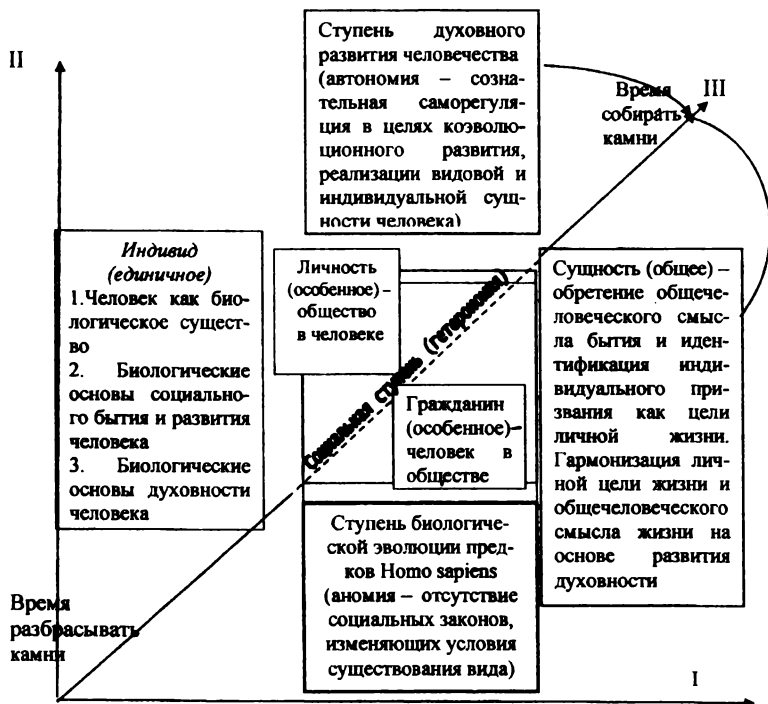
Однако ошибкой трансперсональной психологии и онтопсихологии является отождествление сущности человека лишь с индивидуальной предопределенностью (самостью – ин-се), для которой реформатор католической церкви М.Лютер ввел, на наш взгляд, наиболее удачное понятие *Beruf* (призвание). В соответствии с этим понятием человек не просто рождается на свет, а призывается свыше в определенное время и в определенном месте для свершения миссии, которую никто и никогда не сможет осуществить за него. Вместе с тем человек, являя единство единичного, особенного и общего, воплощает в своей сущности не только индивидуальное призвание, но также предназначение своего рода и всего человеческого вида.

Согласно убеждению о том, что Ин-се человека, его внутреннее ядро, изначально задано и положительно, А.Б.Орлов развивает идею о природном предназначении человека, которое и являет собой его сущность [8]. Это ядро заключает в себе все для полноценной и полной самореализации человека, в том числе и направление этой самореализации. Однако в жизни предназначенность, объективная заданность как сущность человека, далеко не всегда воплощается в реальность. На современном уровне развития человечества чаще всего происходит отчуждение человека от своей сущности. Очень часто цивилизованный человек обращается со своей неосознанной сущностью так же, как живущий вдали от цивилизации туземец, который использует случайно попавший в руки компьютер для разбивания кокосового ореха.

Ориентируя вектор социального прогресса на развитие общества потребления, правительства развитых стран не только способствуют переходу в эпоху нереализованных индивидуальных сущностей, но и тем самым ускоряют глобальный процесс отчуждения человечества от природной сущности своего вида, превращения его в силу, разрушающую среду собственного обитания.

Таким образом, сущность человека, являясь составной частью индивида и личности, не идентифицируется с понятиями индивид и личность, хотя во многом определяет их содержание и направленность развития.

Более четкое представление о сущности человека как предмете интегрированной антропологии дает приведенная ниже модель, на которой отчетливо просматривается ее иерархическая структура, взаимосвязи различных уровней и векторы развития человека в онтогенезе и филогенезе (рисунок).

Структурная модель предметного поля антропологии:

- I – восхождение человека к своей сущности в онтогенезе;
- II – восхождение человечества к своей сущности в филогенезе;
- III – вектор развития человека и человечества

Антропология как наука о фундаментальных особенностях человеческого вида и закономерностях его развития должна уделять первостепенное внимание исследованию сущности – заданного общим эволюционным процессом вектора развития человечества. Основное назначение этой науки в том, чтобы разрабатывать методологические и теоретические основы для всех частных областей человекознания: анатомии, физиологии, медицины, психологии, педагогики, социологии, политологии и др.

В методологическом плане необходимо развитие идей синергетики в социально-гуманитарном знании, которые могли бы стать основой для обоснования метасистемного подхода к изучению человека, отражающего всеобщие универсальные связи человека как с внешним, так и с собственным внутренним миром. Синергетический подход в антропологии наиболее оптимален для становления исследователя на трансцендентную позицию, которая делает единственно возможным взгляд на вид *Homo sapiens* «со стороны». Такая позиция, безусловно, будет способствовать преодолению крайней субъективности, господствующей в современном человекознании.

Дальнейшего развития требует также принцип изучения человека в единстве его биологической, социальной и духовной сущностей. Иного осмысления требует принцип конгруэнтности онтогенеза и филогенеза *Homo sapiens*, который на биологическом уровне был сформулирован Э.Геккелем в виде биогенетического закона. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что взаимосвязь онтогенеза и филогенеза прослеживается на социальном и психологическом уровнях. Глубокой не только экологической, но и антропологической проработки и обоснования требует принцип коэволюционного развития, провозглашенный на конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992).

Существенный вклад в антропологию может быть внесен при изучении человека через призму законов диалектики: как единства общего, особенного и единичного, которые, развиваясь, флуктуируют и совершают диалектические взаимопревращения как в филогенезе, так и в онтогенезе. Человек есть также единство противоположностей (добра и зла, материального и духовного), что в конечном итоге является вечным источником и движущей силой его развития.

Современный человек является субъектом (силой) отрицания природы, как окружающей его, так и своей собственной. Вследствие этого он неизбежно становится объектом отрицания природы. Безусловно-го внимания требует и исследование переходов количественных изменений в качественные в процессе развития человека в филогенезе и онтогенезе.

Продуктивным для психологии, педагогики, социологии, политологии и других областей человекознания может стать и принцип гетерохронного развития как отдельных индивидов, так и целых государств, народов или групп населения.

В теоретическом плане антропология прежде всего должна ответить на вопросы:

- Какое место занимает человек в метасистеме природы?
- В чем смысл жизни (предназначение) человечества в эволюционном процессе природы?
- Каким образом многообразие индивидуальных человеческих призваний укладывается в целостный процесс эволюции природы?
- Какими должны быть социальные условия и какой должна быть социальная политика, обеспечивающие оптимальные условия выявления, гармонизации и реализации индивидуального призвания (индивидуальной цели жизни) и общечеловеческого смысла жизни?

Без ответа на эти вопросы человечество и дальше будет идти не путем сотворения и творения мира вместе с природой, в соответствии с ее законами и на основе ее технологий (коэволюционный путь). Оно будет скатываться в тупик вытворения виртуального мира из себя самого, все в большей степени утрачивая собственную сущность. Без восхождения на духовную ступень развития, без сознательного и добровольного принятия метасистемной концепции человека все рассуждения о гуманизации науки, политики, техники, культуры теряют свой смысл. Здесь вполне уместно мнение П.Сорокина, который отмечал, что человек является животным организмом, наделенным «бессознательным» рефлексивно-инстинктивным механизмом тела, но помимо этой формы бытия человек является сознательным, рациональным мыслителем и сверхсознательным творцом и духом [9].

Авторы настоящей статьи далеки от каких-либо тайных и явных замыслов создания новой идеологии, которая могла бы стать основой насильственной политики «облагораживания человечества». Признавая природный характер принципа гетерохронности в развитии как отдельных людей, так и различных культур, государств и народов, мы считаем, что каждый человек и каждое государство должны сами совершить путь своего становления и восхождения к собственной сущности.

Однако без идеала, трансцендентного человеку и определяющего вектор развития природы и самого человека, дальнейшее моделирование и проектирование путей мирового прогресса повисают в пустоте безверия, скептицизма и всеобщего нигилизма. Условия для гуманистических преобразований современного мироустройства и превращения его в человеческий мир должны закладываться уже сегодня, хотя бы на уровне межгосударственных и межличностных отношений, целей воспитания подрастающих поколений. Думается, что эти идеалы имеют не меньшее право на существование, чем идолы безудержного потребления, насилия и безнравственности, прочно утвердившиеся в современном мире.

Библиографический список

1. *Кузнецов А.М.* Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания // *Личность. Культура. Общество*: Сб.: В 2 т. М., 2000. Т. 2.
2. *Марков Б.В.* Философская антропология. СПб., 1998.
3. *Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г.* Этнология. М., 2001.
4. *Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М., 1963.
5. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 2001.
6. *Шелер М.* Положение человека в космосе // *Избр. произведения*. М., 1994.
7. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. М., 1994.
8. *Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М., 2002.
9. *Сорокин П.* Главные тенденции нашего времени. М., 1993.